

До тридцать первой

Лина Скотт

До тридцать первой

«Автор»

2026

Скотт Л.

До тридцать первой / Л. Скотт — «Автор», 2026

Война отучила Эву строить планы. Марк всё ещё пытается их строить. Она перевязывает раненых и давно перестала вздрагивать от взрывов. Он фотографирует то, о чём однажды будут рассказывать тем, кто этого не видел. Они встречаются случайно — в госпитале, на вокзалах, в разрушенных городах — и каждый раз получают друг друга лишь ненадолго. Четыре дня. Одну ночь. Три дня. Шесть часов. Сорок минут. Между этими встречами проходят месяцы, исчезают дороги и города, не доходят письма, а смерть становится настолько привычной, что её почти перестают замечать. Эва и Марк всё время откладывают настоящую жизнь на потом. На время, когда будет горячая вода, целое окно, большая кровать и яблоня во дворе. На весну, в которую они наконец смогут провести вместе хотя бы неделю. На тридцать первую весну Марка. Им только кажется, что следующая встреча обязательно будет.

© Скотт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая — Четыре дня	5
Глава вторая — Одна ночь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

До тридцать первой

Глава первая — Четыре дня

«А ты не видишь...»

Они никогда не жили вместе дольше четырёх дней.

Эва вспомнит об этом значительно позже — тогда, когда начнёт складывать их встречи одну к другой, словно мелочь на ладони, пытаясь понять, как что-то настолько огромное могло уместиться в столь ничтожное количество времени.

Но пока был только первый день. И Марк ей не нравился.

Его привезли утром вместе с одиннадцатью ранеными. Эва запомнила число не потому, что считала людей. Просто санитар, распахнув дверь, крикнул:

— Одиннадцать! — Будто речь шла о мешках муки.

Она даже не подняла головы.

— Куда?

— Трое тяжёлых. Остальные ходячие.

— Тяжёлых сюда. Остальных в коридор.

— В коридоре места нет.

— Значит, найдите.

Санитар хотел что-то ответить, но передумал.

За последние месяцы люди вообще стали гораздо меньше спорить. Места действительно не было.

Когда-то это здание было школой. Об этом напоминали выцветшие детские рисунки под потолком, половина карты мира на стене и ряд маленьких крючков в коридоре. На одном ещё висела деревянная табличка с аккуратно выведенным именем ребёнка.

Имя давно покрасили кровью. Не специально. Просто однажды кого-то несли мимо. Никому не пришло в голову отмыть.

Эва перестала замечать такие вещи приблизительно в конце осени. Она не могла вспомнить, когда именно. Наверное, тогда же перестала вздрагивать от взрывов.

Первого тяжёлого внесли на носилках. Потом второго. У третьего не было сапога. Эва посмотрела на него и спросила:

— Где?

— Что?

— Ранение.

Он показал куда-то вниз.

— Нога.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что нога у вас есть.

Мужчина посмотрел. И почему-то засмеялся. Эва тоже. Они смеялись секунд пять, пока санитар не выругался и не велел им обоим прекратить. Никому из них это не показалось странным.

Марк вошёл сам. Именно поэтому Эва сначала решила, что он вообще не ранен. Пыльный, небритый, в расстёгнутой куртке, с фотоаппаратом через плечо. На левой стороне рубашки расплзлось тёмное пятно, но держался он достаточно уверенно, чтобы Эва продолжила заниматься мужчиной на столе.

— Сядьте в коридоре.

— Там негде.

— На полу.

— Там тоже.

Она подняла на него глаза.

— Тогда стойте.

Марк посмотрел на неё, будто пытался определить, шутит она или нет. Эва не шутила. Он прислонился к стене. Минут через десять сполз по ней на пол. Через двадцать она обнаружила, что он потерял сознание.

— Вот же идиот, — сказала Эва.

Санитар пожал плечами.

— Он говорил, что ничего серьёзного.

— Они все так говорят.

Она разрезала рубашку. Ранение действительно оказалось не слишком опасным. Осколок прошёл по касательной, оставив глубокую рваную полосу под рёбрами. Крови было много — значительно больше, чем требовала серьёзность повреждения.

— Повезло, — сказал врач. Эва промолчала.

Она давно не любила это слово. Повезло означало слишком разные вещи. Повезло — рука осталась. Повезло — только одна нога. Повезло — успели вытащить. Повезло — умер быстро. Слово из мирной жизни совершенно испортилось за время войны.

Марк очнулся вечером. Первое, что он увидел, — Эву. Она сидела возле окна и ела кусок хлеба.

— Я умер?

Она жевала.

— Почему?

— Вы первая, кого я вижу.

— Это должно что-то значить?

— Надеюсь, что после смерти будет приятнее.

Эва посмотрела на него. Марк улыбнулся. Она отвернулась к окну.

— Значит, не умерли.

— Печально.

— Могу попросить врача исправить.

Он тихо рассмеялся, но тут же поморщился и схватился за бок.

— Не смешно, — сказала Эва.

— Вы начали.

— Я вообще с вами не разговаривала.

— Уже разговариваете.

Эва доела хлеб. На улице кто-то кричал. Сначала долго, потом тише. Потом перестал. Ни Марк, ни Эва не повернули головы.

— Где мой фотоаппарат? — спросил он.

— Не знаю.

Он попытался подняться.

— Лежите.

— Там плёнка.

— Мне всё равно.

— Мне нет.

— Тогда вам придётся страдать.

Он снова посмотрел на неё. В этот раз дольше.

— Как вас зовут?

— Зачем?

— Чтобы знать имя человека, который украл мой фотоаппарат.

— Эва.

— Эва, где мой фотоаппарат?

— Понятия не имею.

Она встала.

— А вы?

— Марк.

— Хорошо.

И ушла. Так состоялось их знакомство.

Фотоаппарат нашёлся утром. Его принёс мальчик лет двенадцати, который последние несколько недель жил при госпитале. Никто точно не знал, откуда он появился. Когда его спрашивали о родителях, он говорил:

— Потом придут.

Через некоторое время спрашивать перестали. Мальчик таскал воду, приносил уголь, иногда воровал сахар у поваров и знал каждого раненого по имени.

— Ваш? — спросил он Марка.

— Мой.

— Я не трогал.

— Хорошо.

— Я только посмотрел.

— Тогда ты трогал.

— Немножко.

Марк протянул руку. Мальчик не отдавал.

— А он настоящий?

— Кто?

— Фотоаппарат.

— Нет. Игрушечный.

Мальчик насупился. Марк улыбнулся и снял крышку с объектива.

— Хочешь?

— Что?

— Фотографию.

Мальчик мгновенно выпрямился.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он встал у стены. Потом решил, что это недостаточно красиво, и переместился к окну. Потом пригладил волосы ладонью. Эва наблюдала за ними из дверного проёма. Марк поднял камеру. Щёлкнул затвор.

В этот момент где-то совсем близко ударила артиллерия. Стёкла задребезжали. С потолка посыпалась штукатурка. Мальчик даже не вздрогнул.

— Получилось?

Марк опустил фотоаппарат.

— Получилось.

— Покажете?

— Когда проявлю.

— Когда?

— Потом.

Мальчик удовлетворённо кивнул и убежал. Эва смотрела ему вслед.

— Вы ведь можете не успеть.

Марк повернулся.

— Что?

— Проявить.

Он понял.

— Могу.

— Тогда зачем обещаете?

— Потому что он спросил.

— Очень веская причина.

Марк пожал плечами.

— А вы никогда ничего не обещаете?

— Стараюсь.

— Почему?

Эва посмотрела на него так, будто ответ был очевиден. За стеной кто-то начал кашлять. Долго. С надрывом. Потом позвал мать. Это был мужчина лет пятидесяти.

Эва прошла мимо. Марк проводил её взглядом. На второй день он начал ходить. На третий — мешать.

— Вам нельзя это поднимать.

— Я фотограф.

— Это не диагноз.

— Пока единственный, который у меня есть.

Он пытался переставить ящик с медикаментами. Эва вырвала его у него из рук.

— Вы специально хотите разойтись швами?

— Нет.

— Тогда сядьте.

— Я три дня сижу.

— Два.

— Здесь время идёт медленнее.

— Отлично. Значит, заживёте быстрее.

Марк уселся на подоконник. Эва раскладывала бинты. Он некоторое время молчал.

— А что здесь было?

— Школа.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он улыбнулся. Она поняла, что сама повторила его первую фразу, и раздражённо отвернулась.

— Как давно вы здесь?

— Не знаю.

— Месяц?

— Возможно.

— Два?

— Возможно.

— Год?

— Не настолько.

— Очень содержательный разговор.

— Вы задаёте скучные вопросы.

— А какие вам нравятся?

Эва остановилась. Никто уже давно не спрашивал её о том, что ей нравится. Это прозвучало почти неприлично.

— Никакие.

— Так не бывает.

— Теперь бывает.

Марк замолчал. И впервые за два дня она была благодарна ему за это.

В ту ночь Эва дежурила. После полуночи госпиталь становился почти тихим. Не тихим по-настоящему. Такого больше не существовало. Кто-нибудь обязательно стонал. В дальней комнате звякали инструменты. По трубам что-то стучало. Иногда доносился гул самолётов. Но после дневного хаоса это казалось тишиной.

Эва сидела за столом и записывала расход медикаментов. Она уже второй раз получала разные цифры. Закрыла глаза. Открыла. Цифры не изменились.

— У вас ошибка.

Она резко подняла голову. Марк стоял в дверях.

— Вам нельзя вставать ночью.

— Почему?

— Потому что нормальные люди ночью спят.

— Вы же не спите.

— Я ненормальная.

— Тогда у нас есть что-то общее.

Эва закатила глаза. Он подошёл ближе и указал на ведомость.

— Здесь восемнадцать.

— Я вижу.

— А записано семнадцать.

Она посмотрела. Действительно.

— Спасибо.

— Не за что.

Он не уходил.

— Что вам нужно?

— Не спится.

— Мне всё равно.

— Я заметил.

Он сел напротив. Несколько минут они молчали. Снаружи прошёл грузовик. Потом ещё один. Стёкла дрожали от тяжёлых колёс.

— Я раньше фотографировал свадьбы, — вдруг сказал Марк.

Эва подняла взгляд.

— Что?

— До войны.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Вы сказали, что я задаю скучные вопросы. Решил ничего не спрашивать.

— Очень разумно.

— Свадьбы, семейные портреты. Иногда детей.

— И вам нравилось?

Он задумался.

— Нет.

Эва неожиданно улыбнулась.

— Почему тогда занимались?

— Платили.

— Веская причина.

— Очень.

— А сейчас?

Он коснулся фотоаппарата.

— Сейчас почти никто не платит.

— Тогда совсем бессмысленно.

— Наверное.

Они снова замолчали. Где-то далеко раздался взрыв. Потом второй. Эва машинально отсчитала несколько секунд. Марк заметил.

— Далеко.

— Да.

— Вы всегда считаете?

Она посмотрела на него. До этого момента Эва даже не знала, что считает.

— Видимо.

— Зачем?

— Не знаю.

За окном вспыхнуло небо. На несколько секунд двор стал белым. Потом снова чёрным. Марк повернул голову к окну.

— Красиво.

Эва посмотрела туда же.

— Да.

Ни одному из них не показалось странным назвать красивым то, что, возможно, в этот самый момент кого-то убивало.

Через несколько минут Марк сказал:

— Я однажды видел город после пожара.

Эва ничего не ответила.

— Он горел почти двое суток. Когда мы вошли, асфальт ещё был горячим. В одном доме на столе стояли чашки. Целые. Дом без крыши, стены наполовину нет, а чашки стоят.

Он замолчал.

— И что? — спросила Эва.

— Ничего. Сфотографировал.

— Получилось?

— Хорошо получилось.

Эва кивнула. Она понимала. Несколько недель назад ей привезли девочку без сознания. На девочке было красивое голубое платье. Совершенно чистое, если не считать одного рукава. Эва тогда подумала, что платье очень идёт к её глазам. Только потом поняла, что девочка уже мертва. Она никому об этом не рассказывала. Не потому что было тяжело. Потому что нечего было рассказывать. Таких историй у каждого накопилось слишком много.

— Я боюсь, — сказал Марк.

Эва посмотрела на него. Этого она не ожидала. Люди редко произносили эту фразу вслух.

— Чего?

Он пожал плечами.

— Всего.

— Очень конкретно.

— А вы?

Она хотела сказать «нет». Слово уже почти появилось. Но почему-то не сказала.

— Я тоже.

Марк кивнул. Эва снова посмотрела в ведомость. Восемнадцать. Она исправила семёрку на восьмёрку.

— Вот и поговорили, — сказала она.

— Я думал, вы меня сейчас утешите.

— Чем?

— Скажете, что всё будет хорошо.

Эва посмотрела на него.

— Я не вру раненым.

Марк улыбнулся. И почему-то именно после этой фразы они впервые стали друг другу нравиться.

Утром третьего дня Марк сфотографировал Эву. Она этого не знала. Стояла во дворе, запрокинув голову, и умывалась водой из железного таза. Было холодно. Вода стекала по шее за воротник. Эва ругалась. На заднем плане санитар курил, сидя на ящике из-под снарядов. Рядом сушились бинты.

Марк поднял камеру. Щёлкнул. Эва мгновенно обернулась.

— Вы что сделали?

— Ничего.

— Вы меня сфотографировали.

— Возможно.

— Удалите.

— Нельзя.

— Тогда испортите плёнку.

— Там ещё двадцать семь кадров.

— Мне всё равно.

— А мне нет.

Она подошла к нему. Марк отступил.

— Отдайте.

— Камеру?

— Плёнку.

— Нет.

— Марк.

Впервые она произнесла его имя. Он почему-то перестал улыбаться. Они стояли близко. Слишком близко для людей, которые знали друг друга третий день.

Эва первой отступила.

— Я получилась ужасно.

— Вы не знаете.

— Знаю.

— Нормально получились.

— Вы даже не проявили.

— Я хороший фотограф.

— Вы сами сказали, что ненавидели эту работу.

— Я сказал, что ненавижу свадьбы.

— Большая разница.

— Огромная.

Он спрятал фотоаппарат за спину. Эва покачала головой. И ушла. Но больше не потребовала уничтожить снимок.

На четвёртый день ему сказали собираться. Эва узнала об этом не от Марка. Врач бросил между делом:

— Фотографа после обеда заберут.

— Какого фотографа?

Врач посмотрел на неё.

— У нас много фотографов?

— Нет.

— Тогда этого.

Эва продолжила складывать инструменты.

— Рано.

— Что?

— Швы.

— До следующего пункта доедет. Там посмотрят.

— Они разойдутся.

— Не разойдутся.

— Разойдутся.

Врач вздохнул.

— Эва.

Она промолчала.

— Нам нужны койки.

Это было достаточным объяснением. Всегда. Койки. Бинты. Морфин. Вода. Место. Людей можно было двигать. Их было слишком много.

Эва кивнула.

— Хорошо.

Через час она нашла Марка во дворе. Он сидел на ступенях и что-то записывал. Рядом лежал собранный рюкзак.

— Значит, уезжаете.

Он поднял голову.

— Значит.

— Почему не сказали?

— А что изменилось бы?

— Ничего.

— Вот поэтому.

Эва села рядом. Несколько секунд они смотрели на двор. Мальчик таскал ведро с водой. У сарая кто-то сжигал окровавленные бинты. Дым стелился низко и пах неприятно. Вдалеке снова работала артиллерия. Обычный день.

— Куда вас? — спросила она.

— Не знаю.

— Хорошо.

— А вас?

Эва усмехнулась.

— Я остаюсь.

— Надолго?

— Не знаю.

Теперь рассмеялся он.

— Содержательно.

— Вы всё равно не сможете мне написать.

— Почему?

— Не будете знать куда.

— Найду.

Она посмотрела на него. Он сказал это совершенно серьёзно.

— Каким образом?

— Я фотограф. Мы умеем находить людей.

— Вы фотографируете людей. Это не одно и то же.

— Найду.

Эва хотела пошутить. Почему-то не получилось. Марк тоже перестал улыбаться.

— После войны, — сказал он.

Она отвела взгляд. Фраза была огромной. Слишком огромной для человека, которого она знала четыре дня.

— После войны все друг друга найдут.

— Значит, договорились.

Из здания крикнули его фамилию. Эва её не запомнила. Впоследствии ей будет казаться странным, что фамилия человека, которого она любила больше всех на свете, совершенно исчезла из её памяти. Она знала только Марка.

Марк поднялся. Поморщился.

— Швы.

— Я знаю.

— Если разойдутся...

— Знаю.

— Обрабатывайте.

— Эва.

— Что?

Он хотел что-то сказать. Она ждала. Где-то хлопнула дверь. Из грузовика закричали, чтобы торопился. Марк посмотрел туда. Потом снова на неё.

— До весны.

Эва нахмурилась.

— Сейчас лето.

— Тем более.

— Это очень далеко.

— Поэтому хорошее обещание.

Она улыбнулась.

— До весны.

Он сделал два шага. Остановился. Повернулся. Эва всё ещё сидела на ступенях. Марк поднял фотоаппарат.

— Даже не думайте.

Он щёлкнул затвор. Эва показала ему кулак. Марк рассмеялся и побежал к машине, придерживая рукой бок.

— Швы! — крикнула она.

Он обернулся на ходу.

— До весны!

Эва хотела ответить. Но грузовик уже загрохотал двигателем. Поднялась пыль. Марк исчез за ней почти сразу.

Эва ещё некоторое время сидела на ступенях. Потом в госпиталь привезли новых раненых. И ей стало некогда думать о нём. По крайней мере, именно так она будет рассказывать себе позже. Что ей стало некогда. Что следующие месяцы она почти его не вспоминала. Что среди крови, дыма, бессонных ночей и людей, которых приходилось держать за руку, пока они умирали, для какого-то мужчины с фотоаппаратом просто не оставалось места. Но уже той ночью, проснувшись от очередного взрыва, Эва прежде всего подумала: *далеко ли сейчас Марк.*

Глава вторая — Одна ночь

«Я застывала в ожидании тебя»

К весне Эва перестала считать взрывы. Она заметила это случайно.

Однажды ночью что-то ударило совсем недалеко — так, что со стола упала кружка, а в окне лопнуло стекло. Эва проснулась, натянула одеяло на плечо и почти сразу снова уснула. Утром она долго смотрела на осколки возле кровати. Раньше она обязательно отсчитала бы секунды. Теперь ей было всё равно. Наверное, человек мог привыкнуть ко всему.

Школы больше не было. Госпиталя тоже. В середине осени в восточное крыло попал снаряд. Когда потом Эву спрашивали, что произошло, она отвечала:

— Пожар.

Как будто этим можно было описать всё. Пожар. Потолок, падающий в коридор. Горящие простыни. Запах волос. Кто-то, зажавшийся под металлической кроватью и орущий так громко, что потом Эва ещё несколько недель слышала этот крик перед сном.

Она вытаскивала людей через окно первого этажа, пока не загорелся рукав. Один из санитаров залил её водой из ведра. Потом они продолжили. На следующий день Эва обнаружила, что волосы справа оплавилась почти до уха, и попросила медбрата обрезать остальное ножницами для бинтов. Он сделал плохо. Она сказала:

— Сойдёт.

С тех пор волосы едва закрывали шею. На правой ладони остался ожог — блестящий, розовый, неприятно стягивающий кожу в мороз.

Из тридцати семи человек, находившихся ночью в здании, вывели двадцать девять. Их распределили по другим пунктам. Эва больше никогда туда не возвращалась. Через месяц она перестала вспоминать лица тех восьмерых. Ещё через два — перестала чувствовать из-за этого вину.

Теперь госпиталь двигался вместе с железной дорогой. Иногда они задерживались в одном городе на неделю. Иногда — на сутки. Иногда поезд стоял посреди поля несколько часов, потому что впереди разбомбили рельсы, и тогда врачи оперировали прямо в вагоне, пока рабочие меняли шпалы.

Эва привыкла спать в одежде. Привыкла есть холодное. Привыкла к тому, что горячая вода — событие. Привыкла определять по звуку, насколько далеко самолёты. Привыкла не спрашивать людей о семьях.

Марк не написал. Первые недели она объясняла себе, что он не знает куда. Потом — что письмо потерялось. Потом перестала объяснять. Иногда его лицо всплывало в памяти совершенно некстати. Когда кто-нибудь доставал фотоаппарат. Когда она видела мужчину похожего роста. Когда слышала смех, хоть немного напоминавший его.

Однажды ей привезли раненого фотографа. Эва увидела камеру раньше лица и на секунду перестала дышать. Это оказался пожилой мужчина с седыми усами. Она разозлилась на себя. После этого несколько недель Марка не вспоминала. По крайней мере, старалась.

Поезд пришёл ночью. Эва ненавидела ночные эшелоны. Днём хотя бы было видно, сколько людей привезли. Ночью они появлялись из темноты бесконечно. Сначала один. Потом ещё трое. Потом женщина с ребёнком. Потом носилки. Потом снова носилки. И всё время казалось, что последний человек уже прошёл, но из чёрного вагона появлялся следующий.

В ту ночь станция почти не освещалась. Два фонаря над платформой не работали, третий мигал. Снег, ещё лежавший между путями, превратился в серую кашу. Под ногами хлюпала вода.

— Сколько? — спросила Эва.

— Не знаю.

— Примерно.

— Много.

— Спасибо. Очень помогли.

Мужчина в форме посмотрел на неё устало.

— Хотите, посчитаю?

— Уже поздно.

Эва затянула потуже шарф и спрыгнула с платформы. Первые раненые уже шли к зданию станции. Тех, кто мог идти, почти не осматривали — только спрашивали, куда ранен, и указывали направление. Красная повязка — налево. Жёлтая — внутрь. Чёрная — к стене. Когда-то Эва не понимала, как можно привязать к живому человеку чёрную полоску ткани и просто оставить его лежать. Теперь понимала. Иногда даже делала это сама.

— Дальше.

Мужчина с перебинтованной головой прошёл мимо.

— Дальше.

Парень держался за плечо товарища.

— Внутрь.

Женщина с окровавленным лицом.

— Туда.

Кто-то схватил Эву за рукав.

— Сестра.

— Отпустите.

— Сестра, там мой брат.

— Отпустите.

— Он в вагоне.

— Его вынесут.

— Он не может идти.

— Значит, вынесут.

— Вы не понимаете.

Эва резко повернулась.

— Я понимаю. Отпустите меня.

Мужчина разжал пальцы. Эва пошла дальше. Раньше она обязательно вернулась бы проверить. Теперь знала: если вернётся к каждому, не поможет никому.

Очередной состав показался из-за поворота около двух часов ночи. Он двигался медленно, почти бесшумно. На одном из вагонов не было половины крыши. На другом белой краской кто-то написал номер, но две цифры сгорели.

Эва стояла у края платформы и чувствовала, как мокрые носки холодят пальцы. Она не спала почти двое суток. Кофе закончился утром. Последнюю сигарету она выменяла у санитара на кусочек мыла и выкурила ещё до полуночи.

— После этого всё? — спросила она.

— Если пути не откроют, всё.

— А если откроют?

— Тогда ещё два.

Эва закрыла глаза.

— Замечательно.

— Весна.

— И что?

— Весной всегда так.

Она хотела спросить, почему. Потом передумала. На войне люди очень любили объяснять необъяснимое временами года. Зимой всё происходило потому, что зима. Весной — потому, что весна. Осенью — потому, что дороги. Летом — потому, что наступление.

У войны всегда находилась причина продолжаться.

Из вагона выпрыгнул мужчина. Потом второй. Третий придерживал руку. Четвёртый нёс чей-то рюкзак. Эва почти не смотрела на лица.

— Ходячие направо!

Кто-то повторил дальше:

— Ходячие направо!

Ещё люди. Ещё. Свет мигнул. Погас. На несколько секунд станция исчезла. Кто-то выругался. Фонарь снова вспыхнул.

И тогда Эва увидела фотоаппарат. Не лицо. Сначала ремень через плечо. Потом чёрный прямоугольный корпус, прижатый рукой к груди. Она остановилась. Человек шёл в противоположную сторону. Худее, чем она помнила. В длинном пальто, испачканном засохшей грязью. Без шапки. Он повернул голову. Эва подумала: нет. Просто похож. Она уже ошибалась однажды. Человек сделал ещё несколько шагов. Свет снова мигнул. Эва увидела профиль.

— Марк?

Он не услышал. Или ей показалось, что она сказала слишком тихо. Она шагнула за ним.

— Марк!

На этот раз он остановился. Не сразу обернулся. Сначала просто замер посреди платформы. Вокруг него продолжали идти люди. Кто-то толкнул его плечом. Кто-то обошёл. Марк медленно повернулся.

Эва потом будет вспоминать именно этот момент чаще всего: то, как изменилось его лицо, когда он её увидел. Сначала непонимание. Потом невозможность поверить. А потом что-то настолько открытое и счастливое, что она вдруг впервые за много месяцев вспомнила, как люди выглядели до войны.

Он ничего не сказал. Эва тоже. Марк пошёл к ней. Она — к нему. Они остановились в шаге друг от друга. И только тогда Эва поняла, что не знает, что делать. Обнять? Протянуть руку? Рассмеяться? Сказать, что он обещал написать? Спросить, жив ли? Последний вопрос был особенно глупым. Он стоял перед ней. Значит, жив.

— Волосы, — сказал Марк.

Из всех возможных слов он выбрал именно это. Эва моргнула.

— Что?

— У тебя волосы.

Она машинально прикоснулась к затылку.

— Были длиннее.

— Я заметил.

— Наблюдательный.

Он улыбнулся. Та же улыбка. Только возле рта появилась маленькая складка, которой раньше не было.

— Здравствуй, Эва.

— Здравствуй.

И почему-то после этого стало совсем трудно дышать. Он обнял её первым. Не красиво. Фотоаппарат ударил Эву в ребро. Она зацепилась рукой за ремень его сумки. Марк слишком сильно сжал её обожжённую ладонь. Эва поморщилась. Он сразу отстранился.

— Что?

— Ничего.

— Покажи.

— Марк.

— Покажи.

Она протянула руку. Он взял её осторожно. Провёл большим пальцем рядом со шрамом, не касаясь.

— Это когда?

— Осенью.

— Что случилось?

— Пожар.

— Где?

— В госпитале.

— Сильно?

— Не особенно.

Он посмотрел на неё.

— Не особенно?

— Рука на месте.

Марк усмехнулся. Но как-то неправильно. Без радости.

— Значит, повезло.

Эва замерла. На секунду снова появился тот школьный кабинет. Окно. Хлеб. Его перевязанный бок. Она тихо сказала:

— Я всё ещё не люблю это слово.

Он помнил. От этого стало хуже. И лучше. Одновременно.

— Ты написал? — спросила Эва.

Они сидели в подсобном помещении станции. Кто-то когда-то хранил здесь уголь. Теперь на мешках лежали одеяла, в углу стоял таз с водой, а на стене горела одна лампа. У них было двадцать минут. Может быть, тридцать. Никто не знал, когда отправят поезд Марка.

— Писал.

— Сколько?

— Пять раз.

Эва посмотрела на него.

— Ни одного.

— Я не знал, где ты.

— Тогда куда писал?

— В ту школу.

Она засмеялась. Коротко.

— Её нет.

Марк перестал улыбаться.

— Совсем?

— Практически.

— Когда?

— Я же сказала. Осенью.

— Я думал, просто пожар.

Эва пожала плечами.

— Снаряд.

— Ты была внутри?

— Да.

— Эва.

— Что?

— Ты сказала «пожар».

— Ну, после снаряда был пожар.

Он смотрел на неё так, будто ждал продолжения.

— И?

— Что «и»?

— Что было?

Она задумалась. Станный вопрос. Что было? Дым. Люди. Огонь. Крик. Человек с обгоревшей кожей, который ещё несколько часов спрашивал, где его ботинки. Медсестра, сидевшая на снегу и смеявшаяся, потому что у неё случилась истерика. Санитар, который нашёл утром в кармане кусок человеческого пальца и долго не мог понять, чей. Что из этого следовало рассказать?

— Ничего, — сказала Эва. — Перевели сюда.

Марк смотрел ещё несколько секунд. Потом кивнул. Он понял. Не потому, что Эва хорошо объяснила. Потому что у него тоже накопились истории, которые невозможно было рассказывать.

Он изменился. Эва начала замечать это постепенно. Сначала худоба. Потом седой волос над виском. Всего один. Она хотела пошутить, но почему-то не стала. На костяшках правой руки были свежие ссадины. На шее — тонкий шрам. Марк почти не снимал фотоаппарат. Но теперь не хватался за него постоянно. Раньше он будто смотрел на мир через объектив даже тогда, когда камера висела на груди. Теперь иногда казалось, что он вообще ничего не хочет видеть.

— Где ты был? — спросила Эва.

— Везде.

— Очень подробно.

— Учился у тебя.

— Плохой ученик.

— Ты тоже.

Она улыбнулась.

— Город на севере помнишь? — спросил Марк.

— Какой?

— Тот, про который все говорили осенью.

Эва знала. Все знали.

— Был там.

— После?

Он кивнул.

— Фотографировал?

— Сначала.

— А потом?

Марк посмотрел на лампу.

— Потом перестал.

Эва не спрашивала почему. Через некоторое время он сам сказал:

— Там на площади лежала женщина.

— Мёртвая?

— Да.

— И?

— Ничего. — Он потёр ладонью лицо. — Просто женщина.

Эва ждала.

— У неё была сумка. Обычная. Такая... хорошая. Коричневая. И из неё высыпались яблоки.

Он замолчал.

— Я сделал снимок.

Эва кивнула.

— Хороший?

Марк посмотрел на неё. И вдруг рассмеялся. Тихо. Устало.

— Вот именно это я о тебе и вспомнил.

— Что?

— Что ты обязательно спросишь, хороший ли получился снимок.

— Получился?

— Очень.

— Тогда хорошо.

Они оба понимали, что это не хорошо. Но других слов у них не было.

Поезд не отправили через двадцать минут. Потом не отправили через час. Где-то впереди снова повредили путь. Марк пришёл к Эве около четырёх утра.

— Сказали, до рассвета точно стоим.

Она снимала перчатки.

— Поздравляю.

— Это всё?

— А что ещё?

— Не знаю. Ты могла бы обрадоваться.

— Я на работе.

— Понятно.

Он развернулся.

— Марк.

Он остановился. Эва оглянулась. В коридоре никого.

— Есть хочешь?

Он улыбнулся.

— Вот теперь узнаю.

Они украли хлеб. Эва называла это «взяли». Марк — «украли».

— Это для раненых, — говорил он, пока Эва резала буханку.

— Ты раненый.

— Уже нет.

— У тебя шрам.

— У тебя тоже.

— Значит, оба имеем право.

Они ели на полу возле стены. Хлеб был чёрствый. Чай — почти прозрачный. Марк нашёл где-то две ложки варенья. Эва не спрашивала откуда. Это был первый сладкий вкус за несколько месяцев. Она закрыла глаза.

— Боже.

— Хорошо?

— Молчи.

Он засмеялся. Эва слизнула варенье с ложки.

— Если окажется, что ты отнял это у ребёнка, я тебя убью.

— У старика.

Она открыла глаза.

— Марк.

— Шучу.

— Ты ужасный человек.

— Я фотограф.

— Это не оправдание.

— Раньше было диагнозом.

Эва посмотрела на него.

— Ты помнишь.

— Всё помню.

Она опустила взгляд. Почему-то это признание оказалось слишком интимным. Гораздо интимнее прикосновения.

Он всё помнил. Её фразы. Ту ночь. Ведомость. Фотоаппарат. Весну. Эва не знала, что делать с человеком, который носил её внутри памяти всё это время.

— Ты обещал найти меня до весны, — сказала она.

Марк выглянул в окно. За стеклом лежал грязный мартовский снег.

— Успел.

— Почти год прошёл.

— Но весна только началась.

— Удобно.

— Я всегда выполняю обещания.

— Пять писем не дошли.

— Это не моя вина.

— Конечно.

— Твои сколько?

Эва замолчала. Марк повернулся.

— Сколько ты написала?

— Ни одного.

— Почему?

— Я не знала куда.

— То есть мои пять писем считаются, а твои ноль — нет?

— Именно.

— Невероятная система.

— Мне подходит.

Марк улыбнулся.

— Ты ждала?

Вопрос прозвучал неожиданно. Эва хотела ответить сразу. Нет. Конечно, нет. Когда ей было ждать?

Она работала по восемнадцать часов. Спала в поездах. Теряла людей. Однажды три дня прожила на двух картофелинах и воде. Дважды болела. Один раз чуть не погибла. У неё была война. Она не могла всё это время ждать мужчину, которого знала четыре дня.

— Нет, — сказала Эва.

Марк кивнул.

— Хорошо.

И именно это «хорошо» её почему-то разозлило.

— А ты?

— Что я?

— Ждал?

— Нет.

— Хорошо.

— Очень.

Они смотрели друг на друга.

— Врёшь, — сказал Марк.

— Ты тоже.

— Я первый спросил.

— Это ничего не значит.

— Значит.

— Что?

— Что я имею право первым признаться.

Эва перестала улыбаться. Марк тоже. Несколько секунд никто ничего не говорил. А потом где-то снаружи закричали:

— Врача!

Эва вскочила. Чашка перевернулась. Чай растёкся по полу. Марк поднялся следом.

— Эва...

— Потом.

Она уже была у двери. Обернулась.

— Не уезжай.

Фраза вырвалась прежде, чем она успела подумать. Марк замер. Эва почувствовала, как начинает гореть лицо.

— В смысле... пока меня нет.

Он смотрел на неё.

— Куда я денусь?

— Не знаю.

— Эва.

— Что?

— Иди.

Мужчина умер через сорок минут. Эва даже не узнала его имени. У него было ранение в живот, слишком большая кровопотеря и очень спокойные голубые глаза. Под конец он спросил:

— Уже утро?

Эва посмотрела в окно.

— Почти.

— Красивое?

Она соврала:

— Да.

На улице было темно. Он умер, держа её за обожжённую руку. Эва закрыла ему глаза. Сняла перчатки. Вымыла руки. На рукаве осталось пятно. Она потёрла его мокрой тряпкой. Не отстиралось. Эва пожала плечами. Вышла в коридор. Марк ждал у стены. Она почти забыла о нём. Или заставила себя забыть на эти сорок минут. Увидев его, Эва остановилась.

— Умер? — спросил он.

— Да.

— Знала его?

— Нет.

Марк кивнул. Ничего больше не сказал. И за это Эва была ему благодарна.

Они вышли на платформу перед рассветом. Снег перестал. Воздух был влажным и холодным. С востока небо начинало сереть. На путях стояли вагоны. Кто-то спал прямо на мешках. Женщина кормила ребёнка, укрывшись пальто. Двое мужчин курили рядом с телом, накрытым брезентом. На соседней платформе рабочие смывали кровь водой. Тонкие красные струйки текли между шпалами. Эва и Марк прошли мимо. Ни один не посмотрел.

— Хочешь покажу? — спросил Марк.

— Что?

Он полез во внутренний карман пальто. Достал маленькую фотографию. Эва взяла её. Несколько секунд не понимала, на что смотрит. Потом узнала двор той школы. Бинты. Ящики. Санитара на заднем плане. И себя. Она стояла у таза, мокрая, злая, с длинными волосами, прилипшими к лицу. Совершенно другая женщина. Эва долго смотрела.

— Ты её проявил.

— Конечно.

— Я думала, плёнка погибла.

— Почему?

— Не знаю.

Марк пожал плечами.

— Я сохранил.

— Зачем?

Он посмотрел на неё. И в этот момент Эва поняла ответ раньше, чем он сказал. Наверное, поэтому испугалась. Она протянула фотографию обратно.

— Оставь.

— Себе?

— Да.

— Ты же ненавидела этот снимок.

— Я тогда его не видела.

Марк вложил фотографию ей в ладонь. Эва посмотрела ещё раз.

— Я здесь совсем другая.

— Не совсем.

— Волосы хотя бы есть.

— Мне нравятся эти.

Она подняла голову. Он стоял слишком близко. На этот раз никто из них не отступил.

— Марк...

— Что?

Эва не знала. Поэтому поцеловала его. Потом ей будет казаться, что первый поцелуй обязательно должен был быть другим. Без вокзала. Без крови на рукаве. Без запаха угля. Без человека, умершего сорок минут назад. Без криков на соседней платформе. Без гудка поезда. Может быть, летом. Где-нибудь возле воды. Или на городской улице. После ресторана. После театра. После совершенно обычного дня, в котором никто не погиб. Но другой жизни у них не было. Поэтому всё произошло здесь.

Эва схватила Марка за пальто. Он прижал ладонь к её затылку. Она почувствовала его холодные пальцы. Его губы. Щетину. Запах дыма. На секунду всё вокруг исчезло. А потом рядом кто-то закричал:

— Носилки сюда!

Эва отстранилась. Марк тихо рассмеялся. Она тоже.

— Очень романтично, — сказал он.

— Замолчи.

Он снова её поцеловал. На этот раз коротко, будто проверяя, действительно ли можно. Можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.